Марта Ливнева

Второй первый сеанс

Марта Ливнева

Второй первый сеанс

«Автор»
2026

Ливнева М.

Второй первый сеанс / М. Ливнева — «Автор», 2026

За четыре дня до Нового года Алла продала сто восемьдесят шесть билетов на фильм, у которого пропал финал. Весь город собирается в старый «Спутник» посмотреть, как шестнадцатилетняя Алла целуется на перроне с мальчишкой в очках. А на последней катушке повар фарширует курицу яблоками.Спасать сеанс придётся вдвоём с Глебом. Тем самым мальчишкой. Теперь он восстанавливает старое кино, по-прежнему носит очки и помнит, что после съёмок обещал Алле свидание. Она, между прочим, две недели ходила на горку, куда он её позвал. Так и не дождалась.До праздничного показа ещё можно успеть обыскать отцовский шкаф, расспросить полгорода и выяснить, сколько версий той зимы хранится в одной семье. А вот спросить Глеба, куда он тогда пропал, Алле с каждым днём всё труднее. Первого января у него поезд.

© Ливнева М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Деньги за поцелуй 5
2. Сто рублей за крышку 7
3. Женщина с мандаринами 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марта Ливнева
Второй первый сеанс

1. Деньги за поцелуй

Двадцать седьмого декабря Алла продала сто восемьдесят четыре билета на фильм, которого у неё не было. Обнаружилось это в половине седьмого. За стеклом кассы стояла тётя Нюра из соседнего подъезда и требовала два места подальше друг от друга.

— Один мне, второй Валере. Он мне весь фильм будет объяснять.

Алла выбрала ей пятое место в четвёртом ряду и двенадцатое в восьмом. Напечатала, просунула в щель. За спиной у неё Глеб сказал:

— Алён, выключи кассу.

Давно уже никто так её не называл. В паспорте она была Алла, в школе, где преподавала математику, — Алла Игоревна. Только покойный отец звал Алёной. И ещё один человек, по давности лет уже утративший на это право.

Она погасила монитор. Тётя Нюра успела уйти.

Глеб держал коробку с киноплёнкой. На крышке синим карандашом отец вывел «Снег на двоих. Часть 4». Когда-то фильм принадлежал их маленькой студии при заводском Доме культуры. Потом завод продали, студия перестала существовать, отец стал киномехаником и каждое тридцать первое декабря ровно в пять ставил эту картину. Двадцать восемь минут чистого счастья. Девушка с фабрики едет знакомиться с матерью жениха, путает электрички и попадает на свадьбу собственного отца. Снимался весь город. Плакала всякий раз одна и та же половина зала, вторая половина следила, кто заплачет.

Восемнадцать лет кино не показывали. После закрытия зала отец ещё долго ходил туда раз в неделю проверять, не течёт ли крыша. А в этом году отремонтировали зал, повесили на фасад старые буквы «Спутник», и Алла придумала открыть его тем самым сеансом. Отец не дожил до открытия четырёх месяцев.

— Что с плёнкой?

— Первые три части целы. В четвёртой другое кино.

Глеб завёл её за сцену, в маленькую аппаратную, где от свежевыкрашенной двери пахло сильнее, чем от всей остальной мебели. На стене дрожала кухонная раковина. Чья-то толстая рука держала под краном куриную тушку.

— Дальше курицу начинят яблоками, — сказал Глеб. — Потом, если интересно, будет гусь.

Алла села на узкий подоконник. На экране повар развёл курице ноги. Глеб выключил проектор.

— А наш поцелуй?

— Съели.

Он сказал это с такой безнадёжной серьёзностью, что она впервые после похорон отца засмеялась в этой комнате. И сразу испугалась, что сейчас заплачет.

В их фильме поцелуй был один. Девушку играла шестнадцатилетняя Алла. Жениха — семнадцатилетний Глеб, сын поварихи, долговязый мальчик в папином пиджаке. На съёмках он спросил, можно ли ему снять очки. Алла сказала, что без очков он ей не нравится. Он послушался. Дужка зацепилась за прядь у неё над ухом, и в кино они долго смеялись, прижавшись лбами. Именно в эту минуту в зале обычно начинали сморкаться.

Сейчас Глебу было сорок два. Очки он носил круглые, бороду подстригал коротко, и, судя по полоске белой краски на джинсах, красить дверь в аппаратной ему тоже пришлось самому.

Он жил в другом городе, восстанавливал старые фильмы. Алла наняла его по договору, заплатив ровно столько, сколько просил. Ей казалось важным, что между ними имеется договор.

— Деньги за билеты пока на счёте, — сказала она. — Вернуть можно.

— Можно ещё поискать.

— Где?

— У твоего отца.

После похорон Алла вынесла из его квартиры один пакет. В пакете были лекарства, зубная щётка и зачерствевший батон. Всё прочее оставалось как стояло. Даже градусник на балконе висел с внутренней стороны. Отец при переезде прибил его так и говорил, что ему интереснее, какая температура у него дома.

— Завтра в девять, — сказала она. — И не называй меня Алёной.

— Хорошо.

Уходя, он задержался у кассы.

— А тёте Нюре всё-таки поменяй Валеру поближе. Он плохо видит.

— Она знает. Потому и взяла ему место у выхода. Он по ступенькам в темноте боится.

— А, — сказал Глеб. — Я ещё не всех догнал.

2. Сто рублей за крышку

Утром Глеб принёс четыре пирожка в промасленном пакете и отвёртку с набором насадок. Оба подношения оказались кстати. Отец запер плательный шкаф на шуруп: дверца рассохлась и распахивалась по ночам, пугая кота. Кот умер семь лет назад, шуруп остался.

Первым из шкафа выпал розовый заяц. В животе у него что-то тяжело стукнуло. Глеб расстегнул молнию между ушей и вытащил банку шпрот.

— Декабрь шестнадцатого, — прочитала Алла. — Хоть что-то можно выбросить без угрызений совести.

— Зайца оставь. В нём ещё селёдка может быть.

Они привыкали разговаривать. Получалось лучше, когда руки были заняты.

Отец хранил крупные коробки внизу, журналы в глубине, крышки отдельно. На одной из них чёрными чернилами написано было «Вернуть Боре сто рублей». На обороте даты не было. Алла положила крышку на стол.

— Боря жив?

— Три года назад виделся с ним в Рыбинске.

— Отдам ему сто рублей. Узнает папин почерк — поверит.

К обеду стало ясно, что плёнки в шкафу нет. Они нашли два сотенных билета девяностых годов, диафильм про полёт шмеля, манжету от тонометра и ровно девяносто одну кинопрограммку. Под последней лежал белый конверт из фотолаборатории. В нём — фотографии со съёмок. На одной Глеб, вчерашний десятиклассник, держал Аллу за локоть. Она задрала подбородок, давая поправить шарф. Оба смотрели на пуговицу под её горлом с совершенно одинаковой нежностью.

— Можно мне? — спросил он.

Алла протянула фотографию.

На втором снимке стояли возле будки девять человек. Отец за камерой, в кадре одна его тень. Алла знала эту тень по опущенному левому плечу. Мама вышла удачно: широко расставленные ноги, руки в карманах, короткая дублёнка нараспашку.

— А вот теперь интересно, — сказал Глеб.

На обороте было написано маминым почерком «Первый финал. 29 декабря». Под ним папиным — «Слава богу, последний».

Алла набрала маму. Там взяли после первого гудка. С тех пор как Надежда Петровна переехала в Казань к сестре, она носила телефон в кармане халата и успевала ответить прежде, чем Алла набиралась решимости начать.

— Всё хорошо, мам. Мы ищем кусок «Снега». Почему ты подписала фотографию «Первый финал»?

— Потому что был второй.

— Какой второй?

— Который все смотрели. В первом я уезжаю.

Мама играла мать жениха. В известном Алле фильме она говорила: «Ну, раз свадьба, я останусь», — и шла резать хлеб.

— Куда ты уезжаешь?

— На прослушивание. В хор меня взяли, а я семье всё не говорила. Снял твой отец, потом выкинул. Мы тогда трое суток не разговаривали. А выкидывать хорошую плёнку я ему запретила.

Глеб перенёс пирожки на блюдце. Один развалился, он тщательно собрал кусочки начинки, как будто возился с дорогим механизмом.

— Мама, а он у кого?

— Какой «он»?

— Первый финал.

— У меня был. Я давала Зойке на юбилей, она в том хоре пела. Больше не помню. Двадцать пять лет прошло. Ты обедала?

— Да.

— Передай Глебке привет. У него по-прежнему привычка очень тихо жевать, когда люди говорят по телефону?

Они переглянулись. Мама фыркнула и повесила трубку.

Той зимой, когда снимали «Снег», родители ещё жили вместе. Хор был настоящий, прослушивание тоже. Мама собиралась ездить на репетиции в область два раза в неделю. Отец говорил, что на эти деньги такси из посёлка не оплатить. Автобус после девяти не ходил. В конце концов она осталась. Алле казалось, что мать сама передумала. Когда родители разошлись, Алле исполнилось уже двадцать семь, и это выглядело почти неприличным запозданием.

— У нас может быть другой конец, — сказала она.

— Да. Только матери скажи, что собираешься с ним делать.

— А что я собираюсь? Посмотреть.

— И я о том.

Алла заметила, что он убрал фотографию во внутренний карман. Спросила, зачем она ему.

— Затем, что у меня мало твоих фотографий.

Можно было спросить, сколько. Можно — откуда у него остальные. Она съела холодный пирожок с картошкой, хотя терпеть не могла холодные пирожки.

Вечером позвонила тётя Нюра и попросила пересадить её к Валере.

— Ты же хотела подальше?

— Я у него спросила, про что наше кино. Он говорит, про какую-то курицу. Это от тебя пошло?

— Передай, что про любовь.

— Я так и сказала. Сидеть буду с ним. Он мне ещё прошлую любовь не договорил.

3. Женщина с мандаринами

Найти Зойку оказалось легко. Труднее было поверить, что заведующая городским архивом, в девичестве запевавшая в хоре частушки про портного, способна оставить что-нибудь без описи.

— Юбилей был летом, — объяснила она. — Я тогда была в отпуске. И вообще, когда я дома, мне положено иногда быть дурой.

Она встретила их на пороге в халате, на меховых тапках покачивались головы двух уток. Отдала холщовую сумку с видеокассетами и выкатила из спальни телевизор со встроенным проигрывателем. На первой красовалась надпись «Финалы». На второй — «Финалы!!!».

На кассетах оказались хоккейные матчи. Они просмотрели концовку каждого. Зойкин покойный муж по окончании игр диктовал в микрофон собственный счёт по справедливости. Иногда его команда проигрывала крупнее, чем на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.